

Мария Фариса

Авантюрин. Сборник рассказов

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.3
ББК 84(2)6
Ф24

Фариса М.

Авантюрин. Сборник рассказов / М. Фариса —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2018. — 181 с.

ISBN 978-5-5321-1128-8

Пятьдесят коротких историй объединены идеей: жизнь прекраснее, когда в ней есть риск. Каждый из рассказов блестит своим особым настроем, а лаконизм формы лишь заостряет глубину содержания. Вы будете купаться в теплых, волшебных и манящих словах: кьянти, палуба, Наветренные острова, Санто-Доминго. Истории вдохновляют и зовут в путешествия. Книга получила четыре премии, по мотивам рассказов поставлен спектакль. «Самое яркое впечатление от книги за последнее время», «Каждый рассказ — сокровище», «Хочется, чтобы это путешествие по континентам и судьбам никогда не кончалось» — слова читателей о сборнике «Авантюрин».

ISBN 978-5-5321-1128-8

© Фариса М., текст, 2016
© Omiko Trading LTD., оформление, 2018

Если хочешь жить на земле долго и счастливо, ни в чём себя не щади.

Милорад Павич

По капле возвращать дождь

День выдался жарким. Семья Шонг спасалась в тени соломенного навеса у крыльца своего дома. Старик откинулся на спинку плетёного кресла, в гамаке лежал молодой мужчина, женщина шелушила фасоль, сидя на табуретке.

– Пятна на ткани памяти могут поблекнуть, но не исчезнуть, – вдруг сказал старик Нуо.

Чай с утра не остывал в его чашке, лёд в посёлок привозили раз в неделю; все в семье знали, что когда жарко и невозможно работать, старик заводит длинные разговоры.

– Ты даже не помнишь год, в который родился, – усмехнулась невестка, наблюдая за толчеей мошек над лужей.

– Зачем мне помнить ненужные вещи? – ответил ей старый Нуо. – Память – это лаковая шкатулка, в ней нельзя хранить гвозди. Такой её никому не подаришь.

– Ты никогда не дарил мне лаковой шкатулки, – сказала женщина мужу.

Тот, в гамаке, притворился спящим.

Две девочки трёх и пяти лет катали шарик по полу. Худая собака сидела у ног Нуо и выгрызала блох с брюха. Стрелки часов не двигались, солнце тоже застыло над плантацией питахайи, дымка на горизонте размазала горы. Невестка зевнула, за ней зевнули старшая девочка и собака.

Вдруг что-то прорезало цельное полотно тишины. Это был звук мотора.

– Кто-то едет, – сказала женщина.

Всё семейство посмотрело на дорогу. Двое молодых людей со светлыми волосами и обгоревшей до красного кожей въехали в деревню на мотоцикле.

– Туристы, – произнесла невестка. – Наверно, французы.

Глаза её загорелись. Она подошла к краю дороги и замахала тряпкой.

– Food, nourriture, comida¹.

Молодые люди остановились возле неё.

– Food, food², – трещала женщина.

Иностранцы переглянулись. Тот, кто был сзади, пожал плечами. Тот, кто рулил, заглушил мотор, откатил мотоцикл под пальму. Подошли к столику, где над горячим чаем согнулся дедушка Нуо, и неловко сели.

– Хот³, – улыбнулся им старик.

– Жарко, – улыбнулся в ответ один из белых.

Нуо заволновался, заморгал часто.

– Рус... русски?

– Русские, русские, – заулыбались уже оба.

Глаза старика вспыхнули, кости затрещали, когда он потянулся, чтобы пожать им руки.

– Кам он, кам он, – заговорил Нуо по-вьетнамски, укоряя себя, что забыл это слово по-русски.

Иностранцы переглянулись, засмеялись, по очереди пожали ладонь старика.

Невестка вышла из хижины с тарелкой рисовой лапши, за ней старшая девочка вынесла ещё одну миску. Младшая принесла палочки, но Нуо тут же сказал ей, чтобы достала ложки.

– Ты чего такой беспокойный? – спросила старика невестка.

– Они из России. Советский Союз. Понимаешь?

Женщина пожала плечами, Нуо отвернулся: ей было двадцать три, и она, конечно, не понимала.

Нуо не видел таких широколицых, лазурноглазых, казалось, целую вечность. Когда-то давно они приехали со стороны Китая на больших машинах, словно появились добрыми драконами из рассвета. Того, кто объяснял молодому солдату Нуо как обращаться с танком, звали Дмитрий. Нуо научился правильно выговаривать его имя, только когда этот русский уехал, но вьетнамец надеялся, что

¹ Еда (англ.), еда (фр.), еда (исп.)

² Еда, еда (англ.)

³ Жарко (англ.)

однажды снова его увидит. Теперь два таких Дмитрия сидели перед ним и ели рисовую лапшу в его доме.

Старик поднялся, оторвал с куста ветку, вернулся в кресло и принялся отгонять от путников мошек. Те удивлённо посмотрели на Нуо и благодарно кивнули, а он всё ждал услышать от них то самое слово. Нуо заёрзал. Вспомнились сначала страх, потом отчаяние и ужас, которые принесли с собой на его землю похожие на этих, но совсем другие люди. Десять миллионов бомб, напалм, агент орандж, тысячи вертолётов, из которых высыпались солдаты с винтовками и ножами, жадные до вьетконговской крови.

Старик покачал головой, чтобы вытрясти ржавые гвозди из своей лаковой шкатулки сокровищ. Сейчас тихо, рыбаки расставляют сети, повсюду залиты рисовые поля, растут внуки, по двору ходят курочки и толстеют. Зачем выискивать на золотом руне жизни старые кровавые пятна?

Два путника положили ложки в пустые тарелки. Один достал из кошелька разноцветные донги, отсчитал несколько купюр. Нуо вскочил и замахал руками.

– Нет, нет, – вспомнил Нуо ещё одно услышанное от Дмитрия слово.

Иностранцы опешили и разом сказали:

– Спасибо.

Старик просиял:

– Сфасиба, сфасиба!

Он принялся целовать им руки. Странники смутились и попятись к мотоциклу, помахали на прощание и скрылись.

Нуо ещё долго стоял на дороге, отирал пот и кричал им:

– Сфасиба!

Потом вернулся к своему креслу, сел перед горячим чаем и всё повторял, чтобы не забыть:

– Сфасиба.

Сын наблюдал за ним из гамака, невестка стояла в дверном проёме, девочки держали её за юбку.

– Ты зачем так? – спросила женщина Нуо. – На что мы купим костей для бульона?

– Десять миллионов бомб. Ты представляешь, сколько это? Столько же, сколько рисовых зёрнышек на всём поле. Половину людей этой страны убили. Половину. Если бы не они, не осталось ни одного вьетнамца. Мы перед ними в долгу. Даже дождь можно вернуть по капле. Это была наша капля.

Невестка махнула рукой и пошла в хижину мыть тарелки. Сын засопел. Девочки снова взялись катать шарик, собака задремала, мошки толклись над лужей, солнце стояло где стояло. Нуо смотрел на всё это и шептал:

– Сфасиба.

Рубин в вине

Вечер затухал, как угли покинутого костра. Усталые быки в хлевах выдыхали из ноздрей горячую тишину. В порту поднимались якоря, а моряки, уставшие от предсказуемости твёрдой земли, с вожделением смотрели на горизонт.

В городке на отвесной скале девушки заплели косы на ночь, щеками прижались к подушкам и погрузились в мечты. Закачались люльки, слышались колыбельные, шёпот, храп. Одно за другим погасли окна. К полуночи все уснули, никто не слышал, как рядом вздохнул вулкан. Трещина от этого вздоха поползла по скале, рассекла дом Джакомо, прошла по плитке пола и штукатурке стен. Дом весь подался к пропасти, просела спальня и накренилась кровать, упала корзина с лимонами, скатились яблоки со стола.

Джакомо вернулся к себе под утро, проворчал: «Проклятые коты» и со следами помады в щетине улёгся спать.

Тем временем трещина пересекла стену и добралась до потолка, посыпала хлопьями краски одеяло Джакомо и продолжила путь до противоположной стены. Старик не ведал о ней, он улыбался, потому что видел во сне кружева ночной рубашки на плечах той, которая была ему дороже всего.

Он проспал весь день и поднялся с кровати под вечер, когда зазвонили к службе колокола. Под раскалённой сковородой летнего неба потушили огонь, цветочные лепестки прижались друг к другу, змеи свернулись клубком, лошади тёрлись мордами над кучей овса. Джакомо потянулся, встал с постели, собрал лимоны в корзину, два из них протёр и положил на стол. Принёс ледяной воды, налил таз. Помылся, накапал одеколона в ладонь, похлопал себя по щекам. Достал из комода свежее бельё и, глядя в зеркало, подмигнул себе.

Меж тем под зеркалом, под штукатуркой, стена раскалывалась пополам. Джакомо, не ведая этого, продолжил свой ритуал: снял с вешалки рубашку, подогрел утюг, прошёлся им по манжетам и воротнику. Прополоскал рот содой, оделся, наблюдая в окно, как

рубином в вине растворяется в чернеющем небе чёрный вулкан. Тогда он ещё не знал, что огненная гора станет причиной всех его бед.

Джакомо закрыл ставни, не заметив, как покосился проём окна. Напевая, подошёл к шкафу, достал пыльную бутылку вина, отёр её тряпкой, засунул лимоны в карман пиджака и отправился в путь.

Франческа жила в нижней части города, под скалой. Возле её дома был луг, куда Джакомо навещался как в цветочный магазин. Каждый раз по-новому составлял букет – он любил её удивлять. Она никогда не знала, что именно он принесёт: сыр, цветы, вино, живую курочку или гуся; потому в течение тридцати семи лет каждый раз ждала встречи с ним как в первый раз.

– Мне сказали, вчера вздохнул вулкан, – произнесла Франческа, принимая лимоны и кьянти из рук жениха.

– Я не чувствовал никакого толчка.

– Ни я...

Он прижал её к стене и поцеловал.

– Ризотто готово, – сказала она и опустила глаза.

Джакомо сел в кресло, закурил. Пока Франческа сервировала стол, не сводил с неё глаз, не замечая разницы между женщиной с седым пучком и девочкой, с которой познакомился в поезде по дороге в Милан. Тогда ему было тридцать, он был женат. Ей едва исполнился двадцать один. Она мыла посуду в рыбацком баре на берегу. Поехала на север впервые в жизни – навестить сестру, что вышла замуж за миланского скрипача. Джакомо сразу понял: надежды, что они случайно встретятся во второй раз, нет. Он перевёз её в свой городок, устроил продавцом в обувной магазин и снял для неё этот дом под скалой. Пока был женат, три раза в неделю навещался к ней в обеденный перерыв. Когда шесть лет спустя вдруг овдовел, стал приходить к Франческе по вечерам и был у неё до утра.

С тех пор день у каждого свой, но ночь – одна на двоих. Джакомо не видел её развешанного на верёвке белья, опухшего утреннего лица, растрёпанных волос. Уходил до того, как с рубашки и шеи выдыхался одеколон. Он не помнил её злой. Франческа пинала стулья и швыряла в стену тарелки, только когда была одна. Для жениха

она отбирала слова, как отбирают фрукты на праздничный стол. Когда он задумывался и отстранялся, она клала в рот грецкий орех, чтобы пустой болтовнёй не разрушить его тишину. Знала: внутри мужчины должен парить орёл.

Тем вечером, после ризотто и вишнёвого пирога, они вместе почитали газету, выпили вина. Пересели на диван, выкурили одну сигарету на двоих, разглядывая друг друга в тусклом свете небесного фонаря.

Под утро, когда Джакомо наслаждался последними минутами тепла на её простынях, раздался грохот. Франческа сказала:

– Вулкан.

Джакомо подошёл к окну и несколько мгновений разглядывал темноту.

– Не искрит.

Когда обернулся, она уже спала. Взял со стула рубашку, просунул руку в рукав и с тревогой, которую не понимал сам, снова взглянул в окно.

Вышел от Франчески и направился к своему дому на скале. Занимался новый день, ещё один круг Земли, а он радовался, что уже снова скучал по ней. От нежности его сердце разбухло, как хлеб в воде, и чуть не остановилось, когда он в сумраке утра увидел, что обвалился кусок скалы и унёс с собой в пропасть весь его дом.

Джакомо обхватил голову руками, опустился на колени, посмотрел на небо и прошептал:

– Господи, я сделал всё, чтобы сохранить любовь, но ты не оставил мне выбора: теперь придётся переселиться к ней. Если у нас всё развалится, это будет твоя вина.

Встал, отряхнул штаны и пошёл туда, где она впервые ещё не ждала его.